

Альбина Нури

Альбину Нурисламову читатели знают как автора реалистических рассказов, пьес и, конечно, мистических триллеров, которые выходят в крупнейшем российском издательстве «Эксмо» в её авторской серии «За гранью».

Переехав в Сербию, писательница решила попробовать свои силы в новом для себя жанре – научно-приключенческой фантастики. К настоящему моменту увидели свет два романа серии «Не#мой мир». Главы первой книги мы публикуем на страницах нашего альманаха

Глава вторая. Теана Ковачевич и «Люди – Боги»

73

ОНИ сидели в кафетерии – почти вся группа собралась. На столах перед каждым стояли квадратные белые коробочки с обедами. Алекс взял говядину со спагетти, булочку с сыром и виноградный сок.

Отец рассказывал, что, когда он был молодым и учился в вузе, студенты (если не бегали по окрестным ларькам за выпечкой или чипсами) почти весь перерыв вынуждены были торчать в очереди: тётеньки на раздаче накладывали в тарелки еду из больших чанов, разливали компот. Мало того, что гигиены никакой – всё на открытом воздухе, неизвестно, чистыми ли руками, так ещё и долго.

А теперь за пару секунд прошёл идентификацию – ввёл индивидуальный кодовый номер и получай свой обед.

– Извините, опоздала! – сказала Ира Копосова. Она только что подошла с обедом в руках и уселась рядом. – Где заказывали Комнату?

– В «Лучших путешествиях», – ответил Стас. – Собираемся в два. Бронь с трёх часов тридцать первого.

– Нормальная фирма, – одобрительно кивнула Ира, принимаясь за картофель с жареной рыбой. Мяса она не ела, и говорила об этом всем, кто хотел слушать. – Мы там постоянно берём.

– Времени полно – хватит и купаться, и всё такое... – Роман качнул наполовину оболваненной головой, и чёлка мазнула его по лбу чёрным крылом.

Ира взглянула на него и слегка покраснела. «Похоже, она неровно дышит к Кострову», – вскользь подумал Алекс.

– Лекция через десять минут, давайте закругляться, – сказала Вета, худенькая невысокая девушка с вьющимися каштановыми волосами и огромными карими глазами, делавшими её похожей на лемура.

Некоторые после её слов стали подниматься, собираясь уходить. Алекс закинул сумку на плечо и вместе со Стасом и другими понёс пустую коробку к утилизатору. Когда шёл обратно, увидел, что в зале появилась немолодая женщина с седыми, коротко стриженными волосами. На ней, как обычно, был строгий костюм и туфли на высоком каблуке. Она прошла к одному из автоматов, принялась вводить свой код.

Поравнявшись с ней, Алекс проговорил:

– Добрый день, профессор.

Она обернулась, посмотрела на него прозрачными голубыми глазами и приветственно склонила голову.

– Я вчера прочёл вашу статью «Неожиданный Апокалипсис. Закат цивили-

Краткое содержание романа

2039 год. Двадцать лет назад четверо учёных сделали открытие, которое изменило историю человечества. Люди получили возможность выходить в параллельное измерение – Пространственную Зону, научились создавать Порталы, через которые желающие могут попадать в любые проекции. В многочисленных филиалах Корпорации, предлагающей такие путешествия, для клиента смоделируют любую реальность: отпуск в экзотическом месте? путешествие в любую точку мира? хочется почувствовать себя героем фильма или насладиться романом со звездой? Всё зависит только от фантазии заказчика!

лизации». Вы пишете про немыслимый ужас, который люди сами создали, и это... – он щёлкнул пальцами, подбирая слова, – необычно. Пугающе. Тревожно.

Профессор Ковачевич поправила очки в тонкой золотой оправе и усмехнулась.

– Но не настолько пугающе, чтобы вы отказались пользоваться Порталами, не так ли? – В её голосе звучал лёгкий, почти неуловимый акцент: некоторые звуки она выговаривала чуть твёрже, чем нужно.

Алекс улыбнулся, не зная, что сказать. Теана Ковачевич, единственная из всех знакомых ему людей, упорно продолжала носить очки, не заменив их линзами или не сделав операции. Он видел очки только на ней да на портретах исторических деятелей прошлых лет.

– Эта статья – чушь, выжимка. Там просто понадёргано оттуда – отсюда. Если вам действительно хочется узнать больше, прочтите всю книгу. Она так и называется. За последние два десятка лет человечество успело вырыть себе могилу, и вот-вот провалится туда. Конец близок. – Она ещё раз смерила его взглядом и сухо сказала: – Я должна идти. Всего доброго.

– О чём ты с ней говорил? – спросил Стас, когда они шли по коридору. – Она же у нас не читает.

– Я просто... – начал Алекс, но его перебил Костров.

– Слышал, Ковачевич у нас последний семестр. Потом всё – выпроваживают. На неё поступает куча жалоб от студентов и родителей. Эпатажная дамочка, к тому же чокнутая. Это раньше для руководства было честью, что она в штате универа, а теперь... – Он хмыкнул

и закатил глаза. – Вот и решили избавиться. И правильно.

Историю появления Теаны Ковачевич в Федеральном Университете знали все. Поначалу она читала лекции, на которые приходили толпы народу – послушать и поглазеть на мировую знаменитость. Потом, после громкого скандала и ухода из Корпорации, её пригласили на постоянной основе, посулили баснословные деньги, и Ковачевич согласилась. Студенты обожали её курс, читала она великолепно, к тому же была самым выдающимся учёным-физиком современности, и мест для желающих не хватало.

Но затем поток иссяк, остались только самые стойкие. Потому что лекции Ковачевич по физике превратились в откровенную пропаганду отказа от пользования Порталами – а это, конечно, были вредные, сумасшедшие идеи. Абсурд, о котором никто не желал слушать.

– А мне её жалко, – проговорила Вета, – у человека было всё: блестящая карьера, слава, почёт. Все её перевозносили до небес, президенты почитали за счастье пожать ей руку. И ничего от всего этого не осталось.

– Падать всегда больно, – глубоко-мысленно изрекла Копосова. – Но она сама во многом виновата. Это же неприлично – так состариться в наше время! Конечно, муж ушёл.

– Муж-то при чём? – поморщилась Вета, которой, видно, не понравилось, что Ира свела всё к обычной бытовухе. – А насчёт старения, это личное дело каждого. Многие, кстати, не омолаживаются. Или уж так, по минимуму. Мне лично не нравятся гладкие кукольные личики у семидесятилетних. Всё равно

Алекс Куцевский под Новый год отправляется с однокурсниками на остров Бару. Ребята отлично проводят время на берегу океана, но потом Алекс ссорится со своей девушкой Алиной и собирается вернуться, позабыв надеть контрольный браслет. А в результате застревает в Пространственной Зоне.

Родители и однокурсница Вета, которая была в него влюблена, пытаются вернуть юношу, обнаружив его исчезновение, но это невозможно: никто ещё не возвращался обратно после закрытия Портала.

Тем временем Алекс переходит из одной проекции в другую, безуспешно пытаясь отыскать выход в реальный мир. Он проходит десятки мест: номера для новобрачных, магазины, бильярдные, залы ресторанов, обучающие проекции для школьников; в некоторых локациях есть Обитатели – ожившие голограммы, созданные по желанию клиентов.

В одной из проекций Алекс встречает девушку и узнаёт в ней Кайру Буковски – одну из знаменитой «четвёрки гениев», открывших

видно, что человеку семьдесят, а не семнадцать, так чего пыжиться?

– А того, – не дрогнула Ира, – чтобы муж к другой не ушёл. У этой Ковачевич так и случилось. Мужчины предпочитают молодых женщин!

– Как будто, если бы она натянула лицо, он бы забыл, что она старая. И потом, молодых, что ли, не бросают? Всё не так просто.

«Она и вправду умница», – подумал Алекс.

– Ты-то чего молчишь? Что профессор от тебя хотела? – снова спросил его Стас.

Они уже пришли в аудиторию и стали рассаживаться по местам.

– Так, ничего. Я статью её прочитал – попалась на глаза. Вот и... Ладно, забыли.

Вошёл преподаватель, и все уткнулись в электронные тетради <...>

Сегодня Алексу ничего делать не хотелось, хотя и материал интересный, и преподаватель хороший. Дело было не в предновогоднем настроении – из головы не шла Теана Ковачевич.

Профессор-физик из Сербии работала в группе учёных, которые открыли возможность выхода в межпространственное измерение. Это была не просто сенсация – настоящая бомба, ведь прежде считалось, что параллельные миры, как их тогда называли, – это нечто недоказуемое, нереальное, из области фантастики.

Прорыв по всем фронтам произошёл

колоссальный, но главное – практически стёрлись границы: время, пространство, огромные расстояния стали легко преодолимы. Потому что почти сразу додумались создавать Порталы.

Трудно поверить, но это было всего-то двадцать с небольшим лет назад. Алекс тогда только родился. Он всю жизнь прожил в новой эпохе, которая наступила вслед за этим революционным открытием, и не представлял иного бытия, как его родители не могли представить жизни без компьютеров и мобильных телефонов.

Знаменитая четвёрка гениев, подаривших миру потрясающие возможности, была популярнее всех публичных персон, вместе взятых. «Люди – Боги» – так их называли. Лица Теаны Ковачевич, Майкла Петерсона, Джона Свенсона и Кайры Буковски смотрели с постеров, журнальных обложек, экранов телевизоров. Их осыпали премиями и дарами. Президент США в одном из интервью поблагодарил учёных за то, что они «открыли новую эру и дали возможность любому человеку жить так, как ему хочется, без ущерба для остальных».

А потом всё стало рушиться – судьба принялась наказывать их, неизвестно за что. Как сказала Копосова, падать всегда больно, а с такой ослепительной, сияющей вершины, на которую вознеслись эти четверо, особенно.

Сначала погиб Майкл Петерсон – разбился на своём автомобиле. Он был

Пространственную Зону. Оказывается, она была смертельно больна и сбежала в Зону, надеясь вернуться, когда от болезни найдут лекарство: одно из свойств этого места состоит в том, что человек там не стареет, не болеет (хотя может травмироваться или погибнуть), а имеющиеся недуги не прогрессируют.

Встреча вселила в Алекса надежду: Кайра знает, как выйти, у неё есть с собой проектор! Но надеждам не суждено сбыться: оказалось, что проекции были случайно уничтожены, а проектор без них бесполезен.

Однако Алекс рад, что он больше не один, более того, спустя какое-то время между молодыми людьми вспыхивают чувства. Кайра и Алекс переходят из одной проекции в другую.

пьян, как сапожник, хотя прежде говорил, что не пьёт спиртного. Никто так и не понял, что это было – самоубийство или несчастный случай.

После пропала Кайра Буковски, самая перспективная и молодая из группы – на тот момент ей было всего тридцать два года. Кайра просто исчезла, словно её никогда и не было. Поиски не дали результатов, похитители – если таковые были – не объявились с требованием выкупа. Тело – если Буковски умерла – не обнаружилось. Эта история, как и смерть Петерсона, долго муссировалась во всех СМИ, обсуждалась и пережевывалась. Выдвигались самые разные теории, но ни одна так и не нашла подтверждения.

Четвёрка учёных превратилась в пару, но и это – ненадолго. Не прошло и года, как Джон Свенсон, который к тому времени успел отойти от дел, бросить жену с тремя детьми и жениться на юной киноактрисе, захлебнулся в собственном бассейне. Его смерть взорвала общественность: трагедия произошла уже с третьим из четверых гениев.

В довершение всего, Теана Ковачевич отреклась от прежних идей и убеждений, ушла из Корпорации, отказавшись от положенных выплат и дотаций, сделала публичное заявление о том, что Порталы – это зло, а их открытие обрекло человечество на неминуемое вымирание, и попросила прощения за свою недалёковидность.

Дальше – больше. Ковачевич отказалась от всех достижений человечества за последний период: например, от коррекции зрения или омолаживания, к которому, наряду с изменениями внешности, прибегали восемьдесят процентов людей. Стала вести затворнический образ жизни, развелась с мужем, написала несколько книг и статей, в которых объясняла, почему использование Порталов неминуемо приведёт человечество к гибели.

Поначалу её идеи казались свежими, к Ковачевич прислушивались, принимая во внимание былые заслуги, но вскоре мрачные пророчества всем надоели, и она стала кем-то вроде городской сумасшедшей. <...>.

Глава третья. Комната открыта

Компания «Лучшие путешествия» располагалась в центральной части города. Все собрались у входа, как договаривались, никто не опоздал.

Девушка-администратор улыбалась заученной широкой улыбкой и проверя-

ла заказ. Ребята столпились у стойки – шумные, взбудораженные развлечением, которое им предстояло.

В огромном зале, размером похожем на зал ожидания в аэропорту большого города, размещались более двух

Им приходится преодолевать различные опасности и парадоксы Пространственной Зоны: они встречают то самих себя, то знакомых, которые их не узнают, то Обитателей – людей и агрессивных чудовищ, несколько раз чуть не гибнут, но всё равно счастливы, что обрели друг друга.

В одной из проекций герои встречают ещё двоих скитальцев: Данила и Мопса. Это белые преступники, ограбившие банк, убившие несколько человек и скрывшиеся от правосудия в Пространственной Зоне. Даниил узнаёт, кто такая Кайра, требует, чтобы она создала проекцию и вызволила их из Пространственной Зоны. Кайра обещает попробовать, ведь иначе Даниил угрожает убить Алекса.

десятков стоек с администраторами, перед каждой из которых стояли люди. Здесь же находились удобные диваны и кресла для ожидающих своей очереди; автоматы с едой, напитками и всякими мелочами вроде салфеток; кадки с экзотическими цветами и ещё много всего, что благоухало, переливалось яркими красками, манило, зазывало и обещало всевозможные блага.

Стеклянные столики были завалены рекламными проспектами, призывающими чудесно провести время в разных частях света, воспользовавшись услугами «Лучших путешествий».

«Только лучшее – для самых лучших! Путешествуйте с «Лучшими путешествиями!» – незатейливый, но броский слоган то и дело появлялся на огромной стене вместе с ошеломительными видами мест, куда предлагалось отправиться гостям.

То и дело, дабы посетители не забыли, где находятся, всплывал логотип компании – затейливо переплетённые латинские буквы LP. Сейчас в России пользовались двумя алфавитами – кириллицей и латиницей, причём латиница была намного популярнее и использовалась шире, особенно молодёжью.

– Всё в порядке, оплата проведена, ваше прибытие зафиксировано, – проворковала девушка. – Комната номер пятьсот четырнадцать предоставлена в ваше распоряжение с пятнадцати часов тридцать первого декабря до двадцати часов первого января. Следуйте

за нашим сотрудником, пожалуйста. Компания «Лучшие путешествия» желает вам приятного отдыха.

– Не сомневайся, дорогуша, отдых будет превосходный! – хохотнул Стас.

Вместе они, как гусята за мамой-гусыней, двинулись за молодым человеком, который представился Дмитрием.

Покинув зал, свернули в короткий коридор, где были шесть лифтов. Дмитрий нажал на одну из кнопок, и вскоре лифт понёс всю компанию ввысь – туда, где их ожидала Комната пятьсот четырнадцать.

– Мы с родителями в прошлом году отправились на новогодние каникулы в Ирландию, – сказала Вета. – Удивительное место.

Они встретились взглядами, и Алекс подумал, что это самое подходящее для неё место. Вета – большеглазая, тонкая, хрупкая, как веточка, была похожа на крошечного эльфа. Неземное, волшебное существо.

– Отличный выбор, – немедленно отреагировал Дмитрий.

– А по мне так странно, – проговорила Алина, и Алексу захотелось дать ей пинка. – Там мрачно. Того и гляди услышишь вопли банши. Все эти леса, старинные замки с привидениями...

Алина сегодня была особенно хороша. Распустила свои роскошные волосы и что-то такое сделала с глазами, отчего они казались сияющими и немного томными. Девушка очень бы удивилась, если бы узнала, что в эту самую минуту

Со временем Даниил влюбляется в Кайру, так что теперь они с Алексом – ещё и соперники.

Однажды герои оказываются в проекции, где на них нападают чудовища-обитатели. Монстры убивают Мопса, ранят Даниила, и он, понимая, что ему не выжить, пытается спасти Кайру, а вместе с ней и Алекса. Однако во время стычки с чудовищами Алекс и Кайра оказываются разлучены: она остаётся в этой проекции, а Алекса один из Обитателей толкает в Портал.

Снова оставшись один, Алекс силится вернуться к Кайре, заранее зная, что ничего не выйдет: свойство Портала таково, что в одну и ту же проекцию дважды войти нельзя, невозможно вернуться туда, где был только что.

Алекс думает, что ему хотелось бы поговорить с Ветой об Ирландии, и пусть бы она рассказала ему, как сказочный народец – эльфы, феи, лепреконы – беззвёздными ночами резвятся на тихих тёмных дорожках.

– Зато сегодня вас ждёт много солнца и света. – Дмитрий, видимо, был отлично вымуштрован и умел реагировать на самые разные замечания клиентов.

Остальные молчали, разглядывая великолепные картины – 7D-голограммы, в которые превратились прозрачные стены лифта. Алекс тоже, как и многие, уже бывал здесь – путешествовал с родителями, а один раз был с друзьями на выпускном, но зрелище каждый раз завораживало.

Сверкающие водопады и летящие в стороны бриллиантовые брызги, крутые горные склоны, прозрачные озёра и извилистые реки, радуга в синем небе – а ты паришь над всем этим и одновременно погружаешься, оказываешься частью картины.

Тебя окутывают запахи – моря, соснового леса, цветущего луга. Ты чувствуешь невесомое прикосновение ветра, капли воды на лице, вкус соли на губах...

И пусть это только иллюзия – но воссозданная с абсолютной точностью, и потому в каком-то смысле реальная!

Раздалось негромкое мелодичное звяканье – голограмма померкла, лифт остановился и двери открылись. Ребята

вышли в коридор и снова послушно устремились за своим проводником.

Мимо мелькали двери с номерами. 510, 511, 512...

Вот, наконец, и пятьсот четырнадцатая. Дмитрий достал электронный ключ и, открывая дверь, проговорил:

– До времени, указанного как время выхода из Комнаты, никто из персонала не имеет права без разрешения войти к вам. Комната будет закрыта вами изнутри. Однако если вам понадобится помощь, вы легко сможете уведомить нас об этом. И, разумеется, при желании можете выйти тогда, когда вам захочется.

Он принялся объяснять, как связаться с администрацией, но его никто не слушал – все и так знали, как это делается, потому что среди ребят не было никого, кто ни разу не пользовался бы услугами компаний, предлагающих Комнаты. А условия и правила пользования везде одинаковые, хоть в «Лучших путешествиях», хоть где-то ещё – разница в уровне обслуживания. Есть высококлассные, элитные – там Алекс не был; есть совсем простенькие. Но суть одна.

Конечно, если речь идёт не о подпольных фирмах, которые пользуются не патентованным оборудованием, разработанным Корпорацией, а нелегальными, кривыми копиями, подделками. Там совсем другой компот.

Сама Комната была похожа на обычный номер в гостинице. Ничего особенного: стандартная мебель – диваны,

При нём рюкзак Кайры с её дневниками и проектором. Читая записи, Алекс узнаёт то, чего не знал прежде. Оказывается, учёных, открывших Зону, было пятеро, а руководитель проекта доктор Саймон Тайлер был мужем Кайры, отцом её умершей дочери. Впервые войдя в Пространственную Зону, Тайлер вернулся другим человеком. Он покончил с собой, а перед этим велел Кайре уничтожить результаты экспериментов, поскольку понял, как опасна Зона для человечества. Однако Кайра его не послушала.

Блуждая один, уже не надеясь на спасение, Алекс натывается на проекцию своей комнаты в квартире родителей. Там, в потаённой шкатулке, когда-то подаренной отцом, он находит письмо от Веты и проекцию.

Из письма Алекс узнаёт, что Вете уже сорок восемь лет, а его родители

кресла, столики, светильники, ковры и коврики. Дверь в ванную, ещё одна – в гардеробную: там размещались встроенные шкафы на случай, если посетитель не захочет брать с собой какие-то вещи в Пространственную Зону, а пожелает оставить здесь, в Комнате.

Всё для удобства клиента: складываешь своё барахло в любой открытый шкафчик, закрываешь, прикладываешь палец к крошечному монитору. Никто другой, кроме тебя, не откроеет. После того, как посетители уходят и сдают ключи, все шкафчики открываются автоматически.

Единственное отличие Комнаты от гостиничных номеров состоит в том, что одна из стен полностью пустая, гладкая: никаких картин или бра, никакой мебели возле неё.

Именно здесь чуть позже будет открыт Портал.

– Пока не выйдете ваше время, вы можете покинуть Пространственную Зону неограниченное количество раз, – продолжал нудеть Дмитрий, старательно отрабатывая зарплату и не обращая внимания, что его слушают от силы два-три человека. – Однако в двадцать ноль-ноль первого января вы должны выйти из Зоны, покинуть Комнату и сдать контрольные браслеты, которые я вам сейчас выдам. За час до окончания отведённого времени контрольный браслет будет издавать световые и звуковые сигналы, напоминающие о необходимости покинуть Пространственную Зону. Подчеркну, что компания «Лучшие путешествия» настоятельно рекомендует не снимать контрольные брасле-

ты с целью обеспечения вашей личной безопасности. По окончании пользования браслеты должны быть сданы дежурному администратору при выходе из здания комплекса.

Пританцовывая от нетерпения, ребята прошли обязательную процедуру: получили браслеты, расписались в документах, подтвердив, что понимают, в чём заключается процедура выхода в Пространственную Зону из Комнаты, а также несут ответственность за свои действия по время пребывания в Зоне.

– Портал откроется сразу же, когда в проектор будет вставлена выбранная вами проекция. В данном случае – это проекция острова-резорта Бару, Мальдивы.

– Точно! – сказал Костров, хотя ответа не требовалось.

Он снова откинул назад чёрные волосы, и Ира Копосова легонько вздохнула. Если она ещё не успела лишиться невинности, то в ближайшие сутки это, похоже, случится, подумалось Алексу.

Дмитрий установил проектор в Комнате. Глядя на него, и не скажешь, что такая игрушка стоит несколько миллионов долларов.

Это была небольшая по размеру плоская прямоугольная коробочка, похожая на закрытый ноутбук, обладающая волшебным свойством переносить вас в рай. Или ещё куда-то – тут уж дело вкуса, всё зависит от избранной проекции.

Дмитрий пробежался кончиками пальцев по поверхности, и проектор загорелся ровным неоновым голубовато-розовым светом. Во включенном

умерли. Долгие годы они надеялись вернуть сына, заказывая проекции детской комнаты Алекса, оставляя там письма и проекции, чтобы он мог выйти в реальный мир. Надежды почти не было, ведь Алекс мог и не оказаться в одной из этих комнат, да и проектора у него (как все полагали) при себе нет, но это помогало им справиться с горем.

Воспользовавшись проектором Кайры, Алекс с помощью найденной проекции открывает Портал в реальный мир и покидает Пространственную Зону.

состоянии верхняя часть его оказалась прозрачной – были видны мигающие, переливающиеся «внутренности».

Проведя необходимые манипуляции, Дмитрий надел перчатки из тонкой ткани и достал проекцию: извлёк из плотного кремового конверта с логотипом «Лучших путешествий» прозрачную, отливающую перламутром пластиночку. Тонкая, чрезвычайно хрупкая и маленькая, она свободно поместилась бы на узкой женской ладони.

Осторожно держа её двумя пальцами, Дмитрий поместил пластиночку в специальное гнездо и снова сделал пару неуловимых движений, приводя проекцию в действие.

– Итак, господа, добро пожаловать на Мальдивы, – торжественно возвестил Дмитрий. – Уверен, вы прекрасно проведёте время. Счастливого Нового года!

Ребята уже стояли перед стеной, на которой должна была появиться проекция. Это случилось спустя пару секунд. Выкрашенная бледно-жёлтой краской стена сначала пошла волнами, покрылась рябью, как водная поверхность, а потом стала будто бы вдавливаясь внутрь, одновременно исчезая, растворяясь. Несколько мгновений – и перед ребятами предстал остров Бару. Девчонки восторженно запищали: зрелище и в самом деле было потрясающее.

Мальдивских островов много. Алекс никогда не бывал на настоящих Мальдивах и не мог судить, так ли на самом деле выглядит остров Бару (часто компании, если клиенты не требовали детальной точности воспроизведения, делали мозаичные проекции – компиляции из нескольких наиболее удачных локаций).

Но это было неважно, потому что именно так он и его друзья представляли себе Мальдивы: белый мягкий, как мука, песок, величественные сапфирово-синие воды Индийского океана, а в глубине острова, окружённые пальмами, стояли бунгало – одноэтажные и двухэтажные домики с террасами.

Но самое главное, в отличие от 7D-голограмм, которые они видели в лифте, внутрь этой проекции можно было шагнуть. Ведь перед ними была уже не просто картинка – это был Портал.

Весело переговариваясь, перебрасываясь шуточками, компания выбралась на песчаный берег. Только что они, расстав по шкафам куртки, ботинки и сапоги (зима же, минус двадцать пять!) стояли в Комнате – а уже через секунду

попали на берег океана, шагнув в экваториальное лето.

Почти все сразу помчались, кто куда – к океану, домикам и пальмам, а Алекс, оказавшись внутри, оглянулся назад.

Комнаты за его спиной больше не было. Он знал, что Дмитрий стоит и смотрит на них, желая удостовериться, что всё в порядке, Пространственная Зона функционирует нормально, но сам мужчину не видел.

Теперь там, где прежде была Комната, повисло лёгкое серебристое ма-

рево – небольшой прямоугольник со смазанными углами, напоминающий непрозрачное, затуманенное серебристое зеркало. Портал был хорошо заметен – а как иначе, им же предстояло покинуть через него Зону! – но при этом не бросался в глаза.

Алекс вскинул руку и помахал. Если Дмитрий ещё там, то он, наверное, махнул рукой в ответ. А может, и нет – это не прописано в его должностной инструкции, которой он, похоже, строго следует.

Развернувшись, Алекс направился вслед за остальными.

Глава четвёртая. На острове Бару

– Как будто я не вижу, как плялишься на эту моль! – выкрикнула Алина. – Вообще не понимаю, что в ней можно найти!

Пальма над их головами махала зелёными листьями-ладонями. Словно тоже не понимала, укоризненно качала головой и всплескивала руками.

Шёл четырнадцатый час нового, 2040 года.

Встреча его прошла на ура – Алекс признался себе, что такой весёлой новогодней ночи у него ещё не было. Они нарядили одну из пальм – повесили мишурь и игрушки, и теперь та была похожа на папуаску, как сказала Вета. Часами не вылезали из воды: купались, играли, как дети, пили шампанское. Накрыли новогодний стол под пальмами, танцевали на песке ночь напролёт.

Разместились в бунгало, компаниями по три-четыре человека. Исключение составляли Алекс с Алиной: у них был домик на двоих. Правда, они почти не оставались там наедине – всё время находились какие-то занятия, вечно нужно было куда-то бежать и что-то делать.

– Что молчишь? Сказать нечего? – продолжала наседать Алина.

Алекс, если честно, устал. Он всегда был настоящим соней – вынь да положь, как говорится, не меньше восьми часов

лёгкого и освежающего! А лучше – больше. В новогоднюю ночь, конечно, нормальные люди не спят – да и желания не было, но сейчас угар поутих, голова побаливала от выпитого, больше всего хотелось лечь на песочек под пальму и вздремнуть.

Ну, или пойти выпить чего-нибудь.

Или опять в воду залезть.

Но уж никак не выслушивать Алинино нескончаемое нытьё и претензии.

– Почему нечего? Есть чего, – сказал он, надеясь задавить зарождающийся скандал в зародыше. – Пожалуйста, давай не будем ссориться. Пойдём купаться. Ни на кого я не смотрел. Я, кроме тебя, никого и не вижу.

Он выпалил это на автомате, не особо задумываясь о том, чтобы быть убедительным. И Алина, разумеется, не повелась.

– Не ври! Зачем ты пригласил её танцевать?

Алекс понимал, что делать этого не стоило. Пригласить другую девушку, когда своя собственная – вот она, в океане плещется, было верхом безрассудства. Но он поддался порыву, а если бы ему представилась ещё одна возможность, повторил бы этот подвиг.

Они станцевали всего один медленный танец, немного поговорили при

этом. Алекс подумал о том, как ему нравится общаться с Ветой, и уже хотел сказать что-то вроде: «Не хочешь сходить куда-нибудь со мной на каникулах?» – но вовремя опомнился. Алина стояла в двух метрах от них и сверкала глазами. Разумеется, была в бешенстве – не только из-за танца, хотя и это подлило масла в огонь.

Остаток ночи и утро она дулась, выяснение отношений было неминуемо, хотя Алекс избегал этого, как мог. Однако час икс пробил.

– Чего плохого в том, что мы потанцевали? Ты вон тоже со Стасом...

– Не делай из меня дуру! – перебила она. – Я с ним пошла потому, что ты... Ты первый начал!

– Давай ещё считаться будем, что за глупости.

Он покачал головой и сел на песок. Удивительно – какая бы жара ни была, он всё равно остаётся прохладным. Алекс погрузил в него руку, набрал полную ладонь песку и начал сыпать, наблюдая за тонкой струйкой песчинок.

Алина скрестила руки на груди, разъярённо глядя на него.

– Так и скажи, что тебе плевать на меня.

– Не скажу. Мне не плевать.

– Другой бы с меня пылинки сдувал, а я за тобой бегать должна.

– Не должна. Никто никому ничего не должен, – сказал он, чувствуя, что ему всё смертельно надоело – остров, бессмысленный разговор, Алина.

Между ними всё всегда было шатко, может, кроме самых первых недель, пока они не узнали друг друга получше. Алекс понимал, что их отношения – не на всю жизнь. Так к чему эти острые вопросы, эта требовательность, как будто у них серебряная свадьба за плечами?

– Заладил, как попугай «не скажу, не должна»! Если хочешь знать, меня такие мужчины на свидание приглашают, я бы и Новый год могла знаешь, где встретить? – Она в сердцах взмахнула руками. – А я с тобой тут мучаюсь!

Всё, это уже конец. Дальше некуда.

– Так не мучайся тогда. Иди, куда приглашают.

Она опешила – то ли ждала другой реакции, то ли сама испугалась своих слов. Они смотрели друг на друга. Алекс так и сидел на песке, девушка стояла рядом.

Алина хотела сказать что-то, но потом резко развернулась и побежала прочь. Добралась до стола с остатками новогоднего ужина. Внизу, под столом, стояла ваза, а в вазе – контрольные браслеты для посетителей Зоны.

Алекс вспомнил, как вчера Костров, ещё не основательно надравшийся, но стремительно приближающийся к этой стадии, стал агитировать народ снять их. Мол, все так делают – что мы, собаки или преступники, с браслетами ходить?

Ромка вытряхнул фрукты из вазы и бросил туда свой браслет. Многие последовали его примеру – в том числе и они с Алиной. На трезвую голову Алекс бы так не сделал, но тогда всё выглядело иначе.

Алина наклонилась к вазе, схватила браслет и нацепила на запястье. Похоже, собралась уходить. Алекс решил пойти за ней, поговорить. Ссора ссорой, но как-то это не по-людски: привел её сюда он, и родители отпустили дочь с ним. Он поднялся на ноги. Алина бежала к их бунгалу, и Алекс направился туда же.

«Надо тоже взять браслет», – мелькнула мысль, но он подумал, что сделает это позже.

Алина носилась по бунгалу, хватала вещи и, как попало, швыряла в сумку. На ней был оранжево-чёрный короткий сарафан с узкими бретельками, волосы она скрутила в узел на затылке.

Молча Алекс смотрел, как девушка сердитым вихрем промчалась в ванную и минуту спустя выскочила оттуда, держа в руках какие-то тюбики и баночки. Снова вернулась в ванную, чтобы переодеться, и вскоре вышла оттуда в джинсах и блузке.

Забросив яркие летние тряпочки в сумку, Алина теперь стояла спиной к нему, пытаясь застегнуть молнию. Алекс

смотрел на её тонкую шею, видел, как дрожат её руки, как отчаянно она дёргает «собачку», и ему вдруг стало ясно, насколько она сейчас несчастна, насколько ей больно и обидно. Неожиданно для себя он ощутил эту боль, как свою.

Быстро пересёк комнату, легонько отстранил Алину, застегнул непослушную молнию и повернулся к девушке. Она стояла, безвольно опустив плечи, в глазах дрожали слёзы, которые она изо всех сил пыталась сдерживать.

В этот момент Алекс понял сразу две вещи.

Во-первых, что никого никогда прежде ему не было так жалко, как Алину.

А, во-вторых, он осознал, что не любит её. Разлюбил. Если, конечно, в его чувстве к ней хоть когда-то было что-нибудь, помимо горделивого сознания обладания одной из самых красивых девушек в Университете.

Чувствуя свою вину, он привлек её к себе, обнял.

– Прости, пожалуйста, – прошептал он. – Я не хотел тебя обидеть.

Она прерывисто вздохнула, но ничего не ответила.

– Хочешь уйти?

– Мне осточертел этот остров, – глухо проговорила она.

– Я тоже пойду с тобой.

Алекс быстро покидал свои вещи в сумку, переоделся. Знал, что они больше не будут вместе, но не знал, как сказать об этом Алине. Решил, что позже они спокойно поговорят и всё выяснят.

«Трус!» – констатировал внутренний голос.

Они с Алиной вышли из бунгало. Неподалеку стояли Стас, Роман и Ира. Копосова смотрела на Кострова бездумно-затуманенными глазами и вела себя так, словно на этом острове они были только вдвоём. Стас махнул было рукой, но потом заметил, что Алина с Алексом одеты и на плечах у них сумки.

– Пока! Мы домой, – крикнул Алекс, предваряя вопросы и стараясь не смотреть на Кострова. – До завтра.

Алина не стала прощаться, она уже быстро шагала в сторону Портала.

Стас скорчил гримасу, которая должна была означать что-то вроде: «Сочувствую, дружище! Бабы, что с них взять!»

Костров и Ира, обнявшись, пошли к океану.

Вслед за Алиной Алекс вошёл в Комнату. Она направилась в гардеробную и уже достала из шкафа куртку. Он тоже открыл шкаф, потянулся за своими вещами.

– Я прощу тебя, если пообещаешь, что больше *такого* не повторится! – неожиданно сказала Алина. Голос звучал твёрдо и безапелляционно.

– Какого? – Алекс так и замер с вытянутой рукой, не успев снять куртку с вешалки.

– Сам не догадываешься? Вёл себя, как скотина! Я тебе что, дешёвка какая-то, девочка с окраины? Если ты хоть раз...

Она говорила что-то ещё, но он не слушал. Неожиданно в нём поднялась горькая, жгучая злость на Алину – он сам от себя не ожидал. Слёзы, дрожь, ранимость – всё было наиграно. Демонстрация слабости, чтобы доказать свою силу.

– Любые средства хороши, верно?

– Что? – Он оборвал девушку на полуслове, и Алина не могла взять в толк, о чём это он. – Что ты имеешь в виду?

Алекс зашвырнул сумку в шкаф и с грохотом захлопнул дверцу.

– Дрессируй кого-нибудь другого, поняла? – Он прижал палец к монитору, закрывая замок. – А с меня хватит твоих вывертов.

Алина открывала и закрывала рот, как аквариумная рыбка. Алекс прошёл мимо неё к двери, но остановился на пороге.

– Может, я и скотина. Может, я не прав, не достоин тебя. Но если до тебя не дойдёт, что люди не обязаны плясать под твою дудку, то навсегда останешься одна. Наедине с зеркалом.

Пожалуй, последняя фраза была слишком жестока, но Алекс не хотел сдерживаться. Он быстро прошёл к Порталу и снова вернулся в Пространственную Зону.

Стаса и Кострова с Ирой нигде не было видно. Да и остальные разбрелись кто куда. Возле стола – тоже пусто.

Когда хочешь с кем-то выпить, вечно никого не оказывается рядом. Поразмыслив несколько секунд, Алекс взял бутылку белого вина и несколько мандаринов. Сначала хотел пойти в своё бунгало, но передумал. Вместо этого ушёл в дальний конец острова и долго сидел, потягивая вино прямо из горлышка и закусывая мандаринами.

Летняя одежда осталась в Комнате, но возвращаться за ней не хотелось. Он стянул водолазку, снял джинсы и носки, оставшись в одних трусах. В голове была странная лёгкость – мысли словно выветрились или сделались невесомыми. Алекс сидел и смотрел на морскую гладь, чувствуя, как глаза всё сильнее слипаются.

«Но ведь на самом деле никакой это не океан – так, подделка. Прямо как Алина», – не успев додумать эту глубокую мысль, Алекс заснул.

Глава шестая. Один в Пространственной Зоне

«Какого чёрта? Кто открыл окно? Зима же», – сквозь сон сердито подумал Алекс. Он сжался в комок, сунул ладони под мышки, подтянул колени к груди, но всё равно не мог согреться. Одеядло, видимо, свалилось на пол. Да ещё и вместе с подушкой. Да нет, скорее, это он сам очутился на полу – лежать было неудобно, жёстко.

– Это потому, что ты заснул на пляже, болван! – Прозвучало в голове, и Алекс моментально проснулся, словно ему дали оплеуху.

Сел, затравленно озираясь по сторонам. Стемнело – на небе уже появились звёзды, сбоку притулился лимонно-жёлтый шар луны. Слышался тихий плеск: в нескольких шагах от него был океан, волны с шуршанием накатывали на берег. Песок был почти ледяным, сидеть было неприятно, и Алекс вскочил на ноги.

Спросонья он ничего не мог сообразить. Вопросы множились, атаковали. Почему такая темень? Они ведь не собирались проводить в Зоне ещё одну ночь! Кстати, о «них» – где все? Куда подевались? Почему он один, и не слышно ничьих голосов?

Алекс наклонился, схватил валяющиеся на песке джинсы и водолазку, поспешно натянул на себя, морщась от того, какие они влажные и холодные.

Решив уединиться, он забрался в дальний уголок острова, и теперь побежал туда, где должны были находиться его однокурсники.

Пляж был пустынным.

Вот и стол, уставленный тарелками с остатками еды, бутылками, фужерами, рюмками. В салатнице скучал недоёденный салат. В фарфоровой креманке таяло мороженое.

– Стас! – завопил он. – Стас! Костров! Где вы?

Возле стола валялась ваза из-под фруктов, в которую Роман агитировал всех сложить контрольные браслеты. Сейчас она была пуста. Они ушли и забрали их. И его браслет – тоже.

«Они видели, как я вышел. Но никто не заметил, когда вернулся».

Продолжая выкрикивать имена друзей, с бешено колотящимся сердцем Алекс побежал к бунгало, в отчаянной надежде увидеть всех там. Ни в одном из домиков свет не горел, но лампочки и новогодние гирлянды освещали всё кругом, и Алекс ясно видел то, в чём боялся себе признаться. Он бежал от одного бунгало к другому, распахивал настежь двери, заглядывал внутрь, звал, кричал, срывая связки, не замечая, что уже охрип.

Нигде никого. Никого, кроме Алекса, на острове не было.

Они ушли и бросили его здесь одного.

Нет... Нет! Такого не может быть!

Алекс стоял на пороге своего бунгало, того самого, где они недавно ссорились с Алиной, и его вдруг осенило.

– Сколько сейчас? – спросил он вслух сам себя.

Что он тут носит, как дурак?! Портал закроется в восемь – может быть, ещё не поздно! Он понятия не имел, должен ли Портал пропадать после того, как посетители покидают Зону, но, если Портал пока открыт, он успеет проскочить.

Не успев задуматься о том, что уже слишком темно для восьми вечера, Алекс снова бросился на пляж, побежал в ту сторону, где прежде в жарком воздухе серебрилось «зеркало».

Слава богу, оно на месте, с облегчением выдохнул Алекс, но тут же его обдало холодом: он понял, что Портал стал выглядеть иначе. Видимо, надежда была напрасной – сейчас уже намного позднее восьми вечера.

Замедлив шаг, Алекс осторожно приблизился к Порталу. «Зеркало» больше не было дымчато-искристым, похожим на расплавленное серебро (он понятия не имел, так ли оно выглядит, на сравнение казалось подходящим). Теперь «зеркало» не переливалось, не трепетало – скорее напоминало белесый сгустившийся туман.

Оно сломалось, перестало работать, пришло Алексу на ум. Как и всё на острове Бару. Он оглянулся по сторонам, ища подтверждения.

Разве прошлой ночью здесь было так холодно?

Разве песок был вязким, скорее уж похожим на мокрую глину?

Разве звёзды были тусклыми, а луна – словно бы нарисованной неумелой детской рукой?

Океан больше не источал запаха свежести, да и сам воздух казался тугим, давил на грудь – или это только казалось?

«Зона исчезает. Всё здесь портится,

и если я тут останусь, скоро мне будет нечем дышать!»

Стараясь подавить подступающую панику, Алекс потёр пальцами виски, прикрыл глаза. На экзаменах (подумать только, всего несколько часов назад грядущая сессия да отношения с Алиной казались ему самой настоящей проблемой!) это помогало сосредоточиться и успокоиться.

Оставаться здесь нельзя. Значит, придется шагнуть в Портал. А что там?

Он не знал. И, насколько ему было известно, этого не знал никто, кроме, может быть, учёных, открывших Пространственную Зону. Но у него не было иного выхода. Что, если спустя короткое время Портал исчезнет? Тогда он окажется в этом умирающем мире – вернее, в некоем подобии всего существующего, в выполненной на заказ имитации реально существующего прекрасного острова. Тогда он точно погибнет. А так у него хотя бы есть шанс.

Сердце лопилось в грудную клетку, стучало молотом; во рту был кисловатый адреналиновый привкус, ладони взмокли, и он вытер их о джинсы.

Сжав челюсти и зажмурившись, Алекс сделал шаг.

Едва коснувшись ладонью мутно-белой поверхности «зеркала», он сразу понял, что и здесь всё стало иным. Прежде, переступая границу Портала, Алекс чувствовал холодок и нечто вроде щекотания, едва заметного покалывания, как от слабенького разряда электрического тока.

Сейчас же тело сдавило, покалывание стало ощутимым и неприятным, а вместо прохлады возникло ощущение чего-то мокрого, студёного. Алекс поёжился: примерно так бывает, когда стоишь в ванной под горячими струями воды, и к спине вдруг прилипнет холодная занавеска для душа.

К счастью, это быстро прошло, и он оказался...

Алекс не мог сообразить, куда попал. Втайне, вопреки всякой логике, он рассчитывал очутиться в Комнате – той,

номер пятьсот четырнадцать, где всё и началось.

Комната действительно была, но совершенно другая.

Здесь царил полумрак, а само помещение напоминало зал в старинном замке. Это была просторная комната с овальным столом посередине. Справа располагался огромный камин, в котором горел огонь, а на самом видном месте переливалась огнями ёлка.

Пахло хвоей, догорающими восковыми свечами, ванилином, а кроме того, в воздухе витал слабый аромат духов. Похоже, люди, заказавшие этот зал для встречи Нового года, ушли отсюда совсем недавно.

Может быть, их Портал ещё открыт?!

Мысль была ослепительна и прекрасна. Если так, то Алекс может выйти наружу! Неважно, где он окажется – а это ведь может быть в любой точке земного шара, в любой стране, любом городе! Главное – выбраться из Пространственной Зоны, а там уж он найдёт способ попасть домой.

Думая об этом, Алекс метался по комнате, пытаясь найти Портал, но его нигде не было. В следующую минуту, немного успокоившись, он заметил в тёмном углу дверь. Распахнув её, увидел ещё одно помещение – поменьше.

Это было что-то вроде гардеробной: шкафы для одежды, зеркала и низкие диванчики. А слева был он – Портал. Видимо, его решили разместить тут, на задворках, не в обеденном зале, чтобы не портить впечатления реальности происходящего. Не задерживаясь здесь, более не раздумывая, Алекс шагнул в него.

«Пожалуйста, пусть всё получится! Пусть я вернусь в нормальный мир!» – взмолился он, ощущая знакомое мягкое покалывание и прохладу. Это оставило надежду, что Портал работает, как нужно.

Только он не сработал. Вместо того, чтобы оказаться в одной из Комнат реального мира, Алекс снова очутился в чьей-то фантазии. Квадратное помещение освещалось светильниками,

вмонтированными в потолок. В центре комнаты стояла массивная квадратная зеркальная колонна. Вдоль стен висели стеклянные шкафы и витрины.

Алекс подошёл ближе. На бархатных подушечках и специальных подставках были разложены ювелирные украшения – кольца, серьги, браслеты, ожерелья. Загадочно мерцали драгоценные камни всевозможных цветов и оттенков, обрамлённые в золото, серебро и платину.

Витрины не были закрыты – подходи и бери. Примеряй, наслаждайся своим видом в одном из огромных зеркал. Алекс обошёл колонну – с одной стороны она была разбита, пол усыпан осколками.

Алекс медленно двигался вдоль стеллажей, на которых покоились несметные богатства. Все украшения были женскими. Интересно, кем была женщина, пожелавшая оказаться в таком месте?

Скорее всего, она любила украшения, но не могла позволить себе купить то, что ей нравилось. И осыпать её бриллиантами и жемчугами было некому. Вот она и пришла сюда, чтобы примерить эту красоту, полюбоваться на себя, сделать фотографии.

Алекс представил, как девушка – почему-то она казалась похожей на Алину – унижает узкие пальцы перстнями и кольцами, вдевает в мочки ушей тяжёлые серьги, застёгивает на запястье браслеты, вертится перед зеркалом и любит себя там, как украшения сверкают и переливаются в искусственном электрическом свете.

А может, кому-то пришло в голову забрать всё это с собой в реальность, попробовать вынести из Зоны? Набил человек карманы, а потом вспомнил, что ничего не получится. Вот с досады и шарахнул чем-то тяжёлым по зеркалу, расколотил его.

Глупость, конечно. Все знают, что из Зоны ничего нельзя вынести. Ты шагнёшь в Портал с набитыми карманами, а выйдешь с пустыми. Всё улечется на границе между мирами.

Странная это штука – Пространственная Зона. Фальшивый мир, где нет ничего подлинного. Такой же фальшивый, как и побрякушки, разложенные на витринах.

В голове всплыли слова профессора Ковачевич: «Если вам действительно хочется узнать больше, прочтите всю книгу. За последние два десятка лет человечество успело вырыть себе могилу, и вот-вот провалится туда».

Её слова оказались пророческими – по крайней мере, для него, для Алекса. Он посмотрел на себя в зеркало. Высокий, худощавый, не слишком-то спортивный, но жилистый. Короткие жёсткие тёмные волосы, серые глаза, острые скулы. Алина как-то сказала, что он похож на одного актёра, и даже имя его назвала – Алекс забыл, какое

именно. А ведь хотел найти, посмотреть – правда, что ли, похож...

Так и не собрался. Вылетело из головы.

Он и сам не знал, почему вдруг вспомнил об этом – никогда особо не задумывался о том, как выглядит. Но сейчас разглядывал себя внимательно, словно выискивая что-то особенное в собственном лице. Наверное, ему хотелось убедиться в том, что он всё ещё существует.

Алекс прижал ладони к лицу, прикрыл глаза. Первый шок прошёл, но зато накатило осознание непоправимости случившегося. Он не знал, что делать. Не представлял себе, как выбраться – и возможно ли это. И даже не предполагал, что может ждать его здесь, в Зоне, с чем он может столкнуться.

Глава тринадцатая. Исповедь и психотерапия

Некоторое время Алекс и Кайра стояли в обнимку, ни на что не обращая внимания, не замечая проекции, в которую попали. Высшие силы сжалились над ними, и они очутились в тихом, мирном месте, где их не подстерегали опасности, – в небольшой полутёмной комнате, уставленной мягкими диванами. Здесь они могли перевести дух, оправиться от пережитого, чтобы двинуться дальше.

Хотя, если честно, Алекс в эти минуты не думал уже о смертельной опасности, которой им чудом удалось избежать. Прижимая к себе Кайру, он с удивлением прислушивался к своим ощущениям.

Разумеется, ему случалось и прежде обнимать девушек – ту же Алину, но никогда прежде он не испытывал подобных чувств. Вернее, Алекс даже не мог сейчас понять, что конкретно чувствует. Это не было вожделение, страсть, возбуждение – ничего похожего. Он не терял головы, не испытывал неодолимого желания заняться с Кайрой сексом.

Им овладело странное ощущение – зыбкое и тонкое. Оно дрожало внутри, трепетало, как хрупкая бабочка, управляющая крылышками, и было сродни щемящей нежности, от которой делалось почти больно.

«Нежности или... жалости?»

Да, скорее всего, это именно жалость, решил Алекс. Очень уж Кайра испугалась в той проекции.

Буковски порой выводила его из себя холодностью, менторскими наставлениями, высокомерным молчанием. И только сейчас он впервые понял, какая она на самом деле слабая, как нуждается в защите и помощи. Пусть Кайра и старше на целое десятилетие, пускай она гораздо умнее и образованнее, но одна она не отбилась бы от тех тварей, и Алекс был счастлив, сознавая, что спас их обоих.

Чуть погодя Кайра вздохнула, неловко отстранилась от него.

– Это же ужас что такое, – сказала она. – До сих пор не могу...

Девушка не договорила, отвернулась и села на один из диванов, обитых

бордовым бархатом, положила рядом рюкзак, взяла в руки тугую квадратную подушку. Алекс, чувствуя смутное сожаление от того, что пришлось отпустить от себя Кайру, уселся напротив.

– По правде, я впервые с таким встретилась. Но в целом – что же тут удивительного? У людей бывают очень странные фантазии. Нам нужно быть готовыми к подобным вещам. Вести себя осмотрительнее и...

– Я ведь уже извинился, – прервал её Алекс, чувствуя подступающую досаду.

– Нет-нет, – встрепенулась Кайра, – я вовсе не то имела в виду! Ты всё себя как настоящий герой! Если честно... – Кайра хотела сказать ещё что-то, но замялась и покраснела.

– Если честно, ты и не думала, что от меня может быть какой-то прок, – закончил он за неё.

Она посмотрела на него, покусывая губы.

– Перестань, пожалуйста. Я уже давно хотела извиниться, Алекс. Мне стыдно, что я на тебя набросилась тогда. Не должна была кричать и обзывать. Прости. Никакой ты не самовлюблённый мальчишка и не маменькин сынок.

Алексу стало не по себе, хотя прежде он и злился на Кайру, и ругал в душе последними словами, и ждал, чтобы она извинилась.

– Да я сам виноват не меньше. Тоже орал, как потерпевший. В чём ты провинилась? В том, что у тебя гениальные учёные мозги?

Кайра слабо улыбнулась.

– Сейчас мы начнём каяться и виниться друг перед другом.

– Последствия пережитого стресса, – важно сказал Алекс, и оба рассмеялись.

– Ты не дал договорить. А мне нужно объяснить, – продолжила Кайра, опять становясь серьёзной. – Ты был прав, обвиняя меня. И Теана была права, когда говорила об опасности Зоны. Я не читала её книгу, но думаю, что наши мысли схожи. Есть откры-

тия и изобретения, которые являются безусловным благом для человечества. Как пенициллин или компас. То, что мы получили возможность заглянуть в Пространственную Зону, да вдобавок открыли доступ туда всем желающим, к этой категории не относится.

– Как вы сделали открытие? – спросил Алекс.

– Чистая случайность, – ответила она. – Ты знаком с квантовой физикой?

– Нет, – честно ответил он.

– Если говорить упрощённо, квантовая физика изучает законы микромира – глубоких слоёв мироустройства, куда сложно заглянуть человеку.

– Голова кругом.

– Ничего удивительного. Нобелевский лауреат по физике Ричард Фейнман высказался на этот счёт примерно так: никто не понимает квантовую механику. Мы, люди, не обладаем аппаратом для восприятия и понимания квантового мира, потому что квантовая реальность чрезвычайно сложна и богата. Другой знаменитый физик, Лев Вайдман, сказал: «Мне не кажется, что я не понимаю квантовую физику. Но это понимание достигнуто высокой ценой – официальным признанием, что существуют вселенные, параллельные нашей». – Позволив Алексу осознать сказанное, Кайра проговорила: – Ладно, хватит теории. Сейчас поясню, чего мы хотели добиться.

Она сняла с головы сбившийся платок и взялась за его концы.

– Наша экспериментальная лаборатория исследовала возможность сокращения расстояния между объектами. Посмотри, если тебе нужно попасть из точки «А» в точку «Б», с одного конца платка до другого, как ты будешь двигаться?

– По прямой. Это кратчайшее расстояние – прямая.

– И да, и нет. – Она сложила платок так, что концы оказались прижатыми друг к другу. – Так короче, верно?

– Да, но...

– Известны случаи, когда объекты

– например, корабли, вдруг пропадали и спустя короткое время оказывались в местах, в которых они никак, ни при каких обстоятельствах не могли оказаться. Происходило такое и с людьми. Науке известно множество подобных фактов. Экспериментально подтверждено, что любая элементарная частица может находиться одновременно не только в нескольких точках пространства, но и иметь в одно и то же время несколько состояний. То есть элементарная частица как бы есть, но одновременно её и нет в отдельно взятом месте, и при этом она может оказаться... – Кайра перебила сама себя. – В общем, мы так и не нашли возможности такого перемещения. И вряд ли это случится, хотя руководство Корпорации и кричит на каждом углу, что такие исследования ведутся. Однако в ходе наших исследований мы наткнулись на существование альтернативного измерения. Одного из тех, о которых я только что тебе говорила.

– Вы нашли Пространственную Зону.

– Мы чаще называли её Нулевым измерением. Это не то, что видно глазом – длину, высоту и ширину, это измерение, отсутствующее в Евклидовой геометрии. Лобачевский и Эйнштейн открыли пространственно-временной континуум, и в научной среде громко заговорили об ином измерении. Американский физик Хью Эверетт создал теорию множественных миров, призванную, в частности, выяснить, почему кванты света ведут себя то как частицы, то как волны. Эверетт полагал, что каждое событие приводит к расколу и копированию Вселенной. Появляются бесчисленные реальности-клоны, новые и новые мироздания. Извини, я, наверное, повторяюсь, просто мне хочется, чтобы ты понял. – Кайра помолчала, собираясь с мыслями. – Но то научная среда, а человечество знало о Нулевом измерении давно. Знало и боялось, ведь именно оттуда выбирались в наш мир немислимые твари и жуткие монстры – сколько мифов и легенд существует

с древних пор, сколько книг написано на эту тему, сколько фильмов снято! Встречи с умершими, странные шумы, диковинные существа, призраки на фотографиях... Что я тебе рассказываю, ты же, как выяснилось, поклонник жанра, – улыбнулась она.

– Только прежде всем хватало мозгов держаться от Пространственной Зоны подальше, а мы сами в неё полезли.

– Да. И я понятия не имею, чем это в конце концов закончится.

– Теана Ковачевич считала, что наступит Апокалипсис. Человечество в итоге вымрет не от инфекции или атомной войны – угроза придёт из Нулевого измерения. Я блуждаю тут давно, но всё же не до конца понимаю, что такое Пространственная Зона.

– Этого никто не знает. Пойми одну вещь: учёные, сотрудники Корпорации придумали и запустили в массовое производство проектор, научились создавать проекции. Но ведь в нашем измерении они не более чем картинки, что-то вроде компьютерной игры! Оживают проекции только в Пространственной Зоне. Только Зона превращает нарисованные сады, реки, горы, пальмы, океаны в полные многомерные аналоги реальности; только Зона заставляет Обитателей пробуждаться к жизни. Но почему это происходит – никто так и не понял. Как не понял и того, на что ещё способна Пространственная Зона.

Вид у Кайры был совсем измученный, словно каждое слово давалось ей с трудом. Алекс слушал, чувствуя себя всё более растерянным. Кайра говорила о пугающих вещах, и на обоих повеяло холодом, хотя в комнате было тепло, даже жарко.

– Не пойму, это что – кабинет психиатра? – спросил Алекс, просто чтобы не молчать. – Тепло, полумрак, диваны, подушки, пледы.

– Я жутко устала, – призналась Кайра. – Это местечко будто специально создано для того, чтобы поспать.

– Ты спи, а я просто посижу. Мне что-

то не хочется. Жалко, что оружия нет. С ним спокойнее.

Кайра, которая уже вытянулась на диване и закуталась в плед, поморгала сонными глазами:

– Не волнуйся. Мне кажется, тут безопасно. Отдохнём и пойдём дальше.

Спустя пару минут она уже спала. Алекс некоторое время смотрел на неё, чувствуя, как крепнет в душе чувство, которое он окрестил жалостью. Тонкие черты, ресницы, бросающие тёмную тень на бледные щеки – Кайра казалась совсем юной и ранимой.

Каким было её детство? Кто её родители? Был ли у Кайры жених или возлюбленный? Какую музыку она слушала? Какую кухню предпочитала?

Об этой девушке говорили и кричали на всех углах, но Алекс всё равно ничего о ней не знал. Пока они не встретились в Пространственной Зоне, Кайра была для него лишь лицом с обложки, мифом, получеловеком, почти вымыслом, да к тому же выходцем из далёкого прошлого.

Думая об этом, Алекс сам не заметил, как заснул.

Глава семнадцатая. Земляничная поляна и старый друг

Переходы из одной проекции в другую теперь воспринимались иначе, казались Алексу не бессмысленным блужданием, но увлекательным путешествием.

Это было похоже на медовый месяц, и оказывались Алекс с Кайрой чаще всего в красивых местах. Сверкающий великолепный водопад, берег реки, гостиничный номер-люкс с видом на большую азиатский город. Кайра решила, что это Токио, и Алекс не стал спорить – Токио так Токио. Он не был в Японии.

Выйти из гостиницы, пройтись по улицам, разумеется, было нельзя, они просто смотрели сверху на огромный мегаполис. Там никого не было, и быть не могло, но Алексу всё время казалось, что внизу бурлит жизнь и люди бегут куда-то по своим делам.

Однажды им встретилась живописная зелёная поляна посреди леса, сплошь усыпанная земляникой. Они провели там целый день, занимаясь любовью, валяясь на траве, собирая ягоды. Кайра нанизывала землянику на длинную травинку, Алекс целовал девушку в перепачканные ароматным ягодным соком губы и думал, что этот день запомнится ему навсегда.

«Если бы мог уйти сейчас из Зоны, то ушёл бы?» – спросил он себя, и впервые не смог ответить.

Ближе к вечеру на поляне стало прохладно, и они стали думать, остаться тут до утра или поискать другое место для ночлега.

– Волшебное место, – мечтательно промурлыкала Кайра, прикрыв глаза. – Мы ведь не попадём сюда больше.

Алекс уже собрался ответить, что тогда им лучше остаться, и он берётся не дать ей замерзнуть ночью, как вдруг ему показалось, что ленивая тишина земляничной поляны чем-то нарушена.

Вроде бы в лесу мелькнула чья-то тень. Тёмный силуэт показался на долю секунды между деревьев и пропал. Или ничего не было?..

Но в тот же самый миг, задавшись этим вопросом, Алекс понял, что его насторожило в самом начале, какой звук он слышал. Никаких сомнений: это хрустнула под чьей-то ногой сухая ветка.

– Ты ничего не замечаешь? – тихо спросил Алекс.

От расслабленного сонного состояния не осталось и следа. Пространственная Зона непредсказуема, невнимательности она не прощает – это Алекс усвоил накрепко.

Кайра приподнялась на локте, тоже прислушиваясь. Но теперь кругом было тихо. И никаких теней.

– Что такое? – быстро спросила она.

– Вон там, – Алекс повёл рукой вправо, – что-то мелькнуло. Мне показалось, прошёл кто-то.

– Человек?

– Понятия не имею. Может, птица перелетела с ветки на ветку.

Алексу не хотелось её пугать.

– В этой проекции нет птиц. – Кайра выглядела собранной, готовой к прыжку, словно это не она минуту назад мирно дремала, прижавшись к его плечу.

– Пойдём отсюда, – сказал он, пресекая дальнейшие разговоры.

Предположения, гипотезы – всё потом. Главное сейчас – избежать опасности, если есть хоть намек на неё.

Никаких долгих сборов: подхватить рюкзак, шагнуть в Портал, который се ребрился в нескольких метрах от них. Уже подойдя к нему вплотную, Алекс снова поглядел на то место, где видел кого-то или что-то. «Чужака», как выразилась Кайра.

За мгновение до того, как они исчезли с земляничной поляны, Алекс ясно увидел стоящего возле дерева человека – высокого мужчину. Отсюда было не разглядеть, молод он или стар, во что одет, есть ли что-то в руках.

Неужели этот человек всё время находился там и следил, подсматривал?!

Но вот они вошли в Портал, и всё осталось позади. Кто бы ни стоял на опушке леса, кто бы ни наблюдал за ними, теперь они с незнакомцем уже не встретятся. Пространственная Зона разведёт их по разным проекциям.

Загадка, очередная тайна Нулевого измерения...

Алекс ещё раздумывал над ней, когда они оказались в следующей проекции. На первый взгляд это была обычная вузовская аудитория: столы, стулья, кафедра для преподавателя, большие окна, за которыми ничего не видно – видимо, был поздний вечер.

За столом в центре комнаты сидел человек.

Алекс почувствовал, как напряглась рука Кайры, которую он сжимал. Он и сам занервничал.

Человек за столом не заметил их появления, поглощённый своим занятием. Или сделал вид, что не замечает. Склонившись над разложенными перед ним книгами, он шуршал бумажными страницами, делал какие-то записи в электронной тетради.

По виду он скорее напоминал офисного сотрудника, нежели студента: белая рубашка строгого покроя с длинным рукавом, короткая классическая стрижка. Волосы у парня были светлые, с рыжиной.

«Кто это? Обитатель? Или такой же странник, как мы?» – подумал Алекс, и парень за столом, будто подслушав его мысли, поднял голову.

Алексу показалось, что его ударили кулаком в лицо. Он никак не ожидал увидеть того, кого увидел. Видимо, у него вырвался вскрик, потому что Кайра спросила:

– Алекс? Что...

Дальше он не слышал. Больше вообще не видел и не слышал ничего вокруг, подходя ближе к парню. Эти волосы – почему-то светлые и аккуратно подстриженные; эта одежда вместо мешковатых джинсов, маек и толстовок; это лицо, которое казалось голым без привычной боевой раскраски...

Как такое возможно?!

– Костров, – севшим от волнения голосом проговорил Алекс. – Ромка.

– Мы знакомы? – отрешённым, холодным голосом проговорил тот.

– Конечно! – воскликнул Алекс, подходя ещё ближе. – Мы с тобой учимся в одной группе, в Университете. Мы друзья! Ты, я, Стас! Помнишь? – Он понимал, что его слова не трогают сидящего перед ним человека, но не мог остановиться, выплёскивая новые подробности: – Мы были на острове Бару – всей группой, Новый год отмечали. Ирку Копосову помнишь? Ты ей нравишься, и вы, кажется, теперь вместе. Все ушли, а я остался в этой чёртовой Зоне! Ты тоже заблудился, как и я? Почему я не увидел тебя на острове?

– Алекс, – тихо произнесла Кайра, – мне кажется, он не...

– Кончай делать вид, что мы не знакомы!

– Я вас не знаю. Пока. Но всё может быть.

– Да как так! – Алекс, донельзя взвинченный, чтобы придать значение этим странным словам, шарахнул кулаком по ближайшему столу. – Какого хрена ты сидишь тут с таким видом!

Костров усмехнулся – Алексу очень хорошо была знакома эта кривая ухмылка. Но сейчас в ней не было желания подколоть, задеть – только арктический, вымораживающий холод.

– Мне нужно заниматься. Многого предстоит изучить, а времени мало.

– С каких пор ты стал отличником? – всё ещё не желая признать, что видит перед собой не того Кострова, которого знал, а кого-то другого, спросил Алекс.

– Я всегда был им, – делая акцент на слово «всегда», проговорил Костров.

Нет, не Костров. «Чужак», как сказала Кайра, вот кто это. Алекс теперь понял, хотя и не знал, что означает это определение. В голове всплыли слова, сказанные Чужаком минуту назад.

– Кто ты такой? Что значит – «пока не знаю»?

– Моё имя вы назвали правильно. Меня зовут Роман Костров.

– Что ты делаешь в Зоне?

Чужак растянул губы в змеиной улыбке.

– Обитаю. Как и вы. Все знают: хоть раз оказавшись в Зоне, ты уже никогда не покинешь её.

Алекс прижал руки к ушам, замотал головой.

– Бред, бред! Что ты несёшь, придурок!

– Есть множество способов и форм обитания в Пространственной Зоне.

– Заткнись! Замолчи!

– Уходите. Мне нужно работать, – снова отстранённо проговорил Чужак и вернулся к прерванному занятию, больше не удостоивая взглядом Кайру и Алекса.

Она взяла его за руку и потянула к Порталу, из которого они только что вышли – не было сил искать другой.

Алекс шёл, пошатываясь, как пьяный, больше ничего не говоря. Только когда они очутились в другой проекции – возле барной стойки, он прошептал:

– Ты что-нибудь понимаешь?

Кайра обошла стойку, взяла с полки одну из бутылок, разлила по рюмкам пахучую жидкость золотистого цвета.

– Надеюсь, не возражаешь против коньяка? Тут и лимон есть.

Они выпили, не чокаясь, как на поминках.

– Создатели проекций полагали, что создают локации, а потом те просто... просто деваются куда-то за ненадобностью. Люди выходят из Порталов и возвращаются к привычным делам. – Кайра плеснула себе и Алексу ещё коньяка. – Но всё оказалось не так просто. Пространственная Зона множит варианты. Проекции трансформируются и продолжают существовать. А люди, которые побывали в них, тоже... множатся. Эти слепки, копии вполне реальны – ты сам видел.

– Костров стал совсем другой.

– Не стал, – поправила Кайра. – Думаю, этот вариант Кострова всегда был таким. Такова его альтернативная личность.

– Путаница, головоломка, – простонал Алекс. – Как я могу знать, что я – это ещё я?

– Меня ужасает другое. Подумай, сколько народу в мире – взрослые, дети – ежедневно, ежечасно входят в Зону. Кто знает, *они ли* возвращаются обратно? И не произойдёт ли однажды полной замены – не вытеснят ли Обитатели людей из их собственных домов, из реального мира?

– Ты всерьёз думаешь, что такое возможно? – потрясённо спросил Алекс. – И кто-то может вернуться в мир... вместо нас? Даже сейчас?

Она пожала плечами.

– Кто может знать? Теана Ковачевич не зря так горячо выступала против использования Порталов. Сегодня мы с тобой столкнулись ещё с одним парадоксом Пространственной Зоны, а сколько их помимо этого!

– Кто ещё есть в Зоне? Обитатели, чудовища, мы сами, другие «мы»...

Кайра подошла к нему, взяла его лицо в ладони.

– Посмотри на меня. Успокойся, Алекс! Помнишь, ты говорил: это жуткое место позволило нам встретить друг друга?

«Я бы всё отдал, только бы не входить в Портал, никогда не входить!» – чуть было не выкрикнул он. Зона, дав короткую передышку, снова мучила его, выворачивала душу и туманила мозг. Но, глядя в прекрасные глаза Кайры, полные любви и страдания, Алекс вовремя удержался. <...>.

Глава двадцать седьмая. Письмо

94

Алекс оказался в этой комнате после долгой череды пустых и бесполезных проекций, в которых не мог задержаться. Безумно устал, хотел спать, поэтому сначала, когда увидел, где оказался, подумал, что свалился, уснул и видит сон – обманчивый, сказочный. Или же попросту спятил: бесконечное, бессмысленное хождение по проекциям лишило его рассудка.

Он снял с плеча рюкзак и поставил его возле ног. Потёр глаза, чтобы убедиться, что всё происходит на самом деле, что ему не чудится.

Медленно, боясь, что видение померкнет, рассыплется в прах, Алекс обошёл небольшую комнату. С благоговением коснулся стен, провёл пальцами по корешкам книг на полке. Тронул струны гитары, и те отозвались печальными, тающими нотами. Поправил лежавшую на диване декоративную подушку в форме улыбающегося подсолнуха. Эту подушку ему подарила бабушка. Алексу было тогда восемь лет. Бабушка вскоре умерла – то был её последний подарок любимому внуку.

Никакой ошибки быть не могло. Он очутился в собственной комнате. Со всех сторон его обступили знакомые, дорогие сердцу, хотя и полузабытые уже вещи. Ночник, похожий на кокон из белых ниток, который не нравился маме, хотя она не говорила об этом сыну. Полосатые занавески. Плед на диване – тоже в разноцветную полоску: оттенки «вырви глаз», смеялся отец.

А вот высоченный зеркальный стеновой шкаф – Алекс отражался в зеркале в полный рост. Он раздвинул дверцы: внутри была развешена на плечиках его

одежда, стопочками было сложено бельё, футболки, джинсы. В жизни у него не особенно получалось следить за порядком, но тут, в проекции, всё лежало и висело аккуратно, как будто мама, потеряв терпение, велела ему прибраться, и он послушался.

Прямо перед окном, уставленным цветочными горшками, серебрился Портал. Алекс сел на диван. Что это значит? Голова шла кругом, он плохо соображал.

«Может, это конец?» – пришло ему на ум.

Возможно, Пространственная Зона решила, что достаточно наигралась с ним, а он достаточно настрадался. Его пребывание здесь вовсе не было бессрочным, как ему казалось. Пришла пора остановиться, прекратить бег, закончить свой путь. Если выбирать между вариантами, где оборвать гонку и наконец-то отдохнуть, то разве найдётся место лучше этого?

Смерть сама по себе больше не пугала – страшили лишь возможные предсмертные мучения. Он и так уже не жил, а только гнался за подобием жизни, потеряв Кайру. В рюкзаке лежали таблетки, к которым он не притрагивался, – сильное успокоительное. Выпить горсть, лечь на диван, укрыться с головой и заснуть.

А проснуться уже в другом мире. Где угодно, хоть в аду, если он существует, только не в Пространственной Зоне. Алекс думал об этом спокойно. Он знал, что, оказавшись здесь, в этой комнате, не сумеет уйти, чтобы продолжить мчаться по проекциям. Нет у него для этого сил, решимости, желания.

Взгляд упал на электронную тетрадь, лежавшую на столе. Алекс вспомнил, что вскоре после новогодней ночи ему предстояло сдавать сессию, и первым в списке значился экзамен у Зверя. Как он боялся «завалить» его! Какими смешными, детскими выглядели теперь эти нелепые страхи!

Повинуясь ностальгическому порыву, Алекс подошёл к столу и взял тетрадь в руки. Взял – и... По спине побежали мурашки, руки задрожали, он едва не выронил электронное устройство.

Крупными буквами на экране было напечатано: «Возвращайся, Алекс».

Два слова, всего два, но они перевернули его душу.

Нет, эта комната – не очередная голололомка Пространственной Зоны, не место, где ему предложено умереть! Кто-то специально создал эту проекцию для него, для Алекса!

Этот человек знал, что он исчез, и ждал его возвращения. Не «кто-то», а родители – больше никому.

– Мама! Отец! – громко сказал Алекс, словно ожидая, что они откликнутся и помогут.

Но они уже помогли. Запись в тетради – это ведь ключ, намёк, подсказка. Где-то здесь, в комнате, родители спрятали нечто, способное вернуть Алекса из Пространственной Зоны. Прямым текстом указать на это они не могли, чтобы не воспользовался кто-то другой.

Если бы в комнате очутился не Алекс, а посторонний человек, то призыв «Возвращайся!» ничего бы ему не сказал: он адресован только Алексу, а значит, ему предстоит догадаться о смысле этой фразы.

Он пробежал по комнате туда-сюда, стараясь сконцентрироваться, привести мысли в порядок. Ответ пришёл внезапно, словно кто-то прошептал ему на ухо, и Алекс даже засмеялся: до чего всё просто!

Конечно, отгадка может крыться только в одном месте. Он подошёл к полке и взял в руки деревянный сундучок, который папа привёз из Испании. Пираты, корабли, клады, зарытые на необитаемых островах – ребёнком Алекс

буквально бредил этим. И прятал в сундучке свои сокровища.

Чтобы открыть шкатулку, нужно постараться: это была довольно хитроумная конструкция. Поворот ключа результата не давал, необходимо было отыскать скрытую пружину и надавить на неё.

Крышка приоткрылась. Внутри лежал белый плотный конверт. Волнуясь так, что, кажется, забывал дышать, Алекс осторожно вытащил его, вскрыл и увидел сложенный пополам лист бумаги.

Развернул его и прочёл:

«Здравствуй, Алекс!

Я пишу тебе, не зная, прочтёшь ли ты когда-нибудь эти строки. Я уже даже не знаю, надеюсь ли, верю ли... Прости. Я ведь не имею понятия, жив ли ты.

Ты остался в Пространственной Зоне, и в первое время тебя пытались искать, хотя всем с самого начала было ясно, что это бесполезно. Никто не возвращался из Зоны после закрытия Портала, обратной дороги нет. Это были просто попытки продемонстрировать, что предпринимаются какие-то усилия. Всё закончилось уже к весне.

Закончилось для всех, кроме твоих родителей и меня. Если ты читаешь это письмо, то, наверное, удивляешься, при чём тут я. Ты вообще вряд ли замечал, что я есть на белом свете.

Худосочная девочка с глазками-плошками и вычурным именем Иветта – тебе не было до меня дела. Ты даже не помнишь, что мы с тобой давно знакомы...»

Алекс отвёл глаза от строчек, озадаченно нахмурился. Действительно, почему Вета пишет ему? И что значит «давно знакомы»? Он был уверен, что впервые увидел Вету на собрании для первокурсников.

«Мы жили в соседних домах, пока вы с родителями не переехали в другой район. Один и тот же детский сад, но разные группы. И школа одна, но разные классы. И возраст один, только всё другое – друзья, увлечения, игры.

Когда мы учились в первом классе, хулиган-третьеклашка обозвал меня пучеглазой лягушкой и закинул мой

рюкзак на крышу гаража. Ты налетел на него, как коршун, хотя он был выше чуть не на голову. Заступился за меня и рюкзак мне вернул. А ещё сказал, что никакая я не лягушка.

Наверное, в тот момент я и влюбилась в тебя. Вышло так, что на всю жизнь. Маленькая девочка, совсем ребёнок, какие могут быть чувства? Но были чувства, были. И есть.

Ты не помнишь, не знаешь, не подзреваешь. Ты всегда был моей тайной – недостижимый, далёкий, как кинозвезда. А после того, как исчез в Пространственной Зоне, мои шансы дотянуться до тебя, и без того-то призрачные, стали совсем крошечными. Но я всё же пробую, Алекс.

Знаю, всё это тебя не слишком-то занимает. Если произошло чудо, и ты читаешь моё письмо, то хочешь узнать о близких людях.

Наверное, не я должна сообщать об этом, не от меня ты должен такое узнавать... Мои слова причинят тебе боль, и мне самой от этого больно.

Твои родители были безутешны. Время шло, но они так и не смогли смириться с тем, что никогда не увидят тебя. Отец, как мог, поддерживал твою маму, старался держаться сам. Знаешь, как это бывает. Женщины выплакивают, проговаривают своё горе, но у мужчин это не получается. Горе точит и гложет их изнутри, пока не убьёт.

Через полтора года после твоего исчезновения у Вадима Викторовича был инфаркт. Это случилось на работе, в офисе, он умер сразу, ничего нельзя было сделать...»

Алекс закрыл глаза, чтобы не видеть жутких, ранящих строк. Отца больше нет. Полтора года он ждал сына – так и не дождался.

Нет, Алекс не мог поверить. Папа жив! Он должен быть жив!

– Ты врешь! – выкрикнул он, комкая письмо. – Врешь!

Задыхаясь, Алекс стиснул ладони в кулаки. Так и сидел, сгорбившись, сжавшись. Потом преодолел себя, стал читать дальше – теперь уже с ужасом, по-

тому что понял, что Вета написала ещё много страшных, непоправимых слов.

«Так вышло, что я очень сблизилась с твоими родителями. Набралась смелости, пришла к ним сразу же, на второй день, как стало известно, что ты пропал, и с той поры они стали мне родными. Знаешь, как бывает: общая любовь, общая беда...»

На похоронах Вадима Викторовича твоя мама сказала, что знает, как помочь тебе вернуться: «Если ты решишь, что это безумие, я пойму. Только не отговаривай».

В самом начале, сразу после твоего исчезновения, мы с твоими родителями побывали у Теаны Ковачевич. Елена Николаевна надеялась, что та знает, как поступить, подскажет какой-то способ вернуть тебя.

Теана – хорошая женщина, Алекс. Она постоянно чувствовала свою вину за то, что вместе с коллегами открыла всем доступ в Пространственную Зону, которую считала злом, и жить ей с этим чувством было непросто.

Профессор предположила, что ты смог бы вернуться, будь у тебя проектор и проекция. Но как передать их тебе в Зону? Это ведь невозможно.

И вот, спустя полтора года, уже после смерти твоего отца, Елена Николаевна решила попробовать, а я взялась помочь.

Ты уже, наверное, и сам догадался, что мы делаем: заказываем Комнаты. Несколько раз в год, на протяжении долгого времени. Елена Николаевна тратила на это всё, что зарабатывала, все свои сбережения.

Нас хорошо знают в «Лучших путешествиях», у них есть готовый шаблон под наш заказ. Проекция, которую мы заказываем, в точности воспроизводит твою комнату, Алекс, ту, откуда ты ушёл 31 декабря 2039 года, чтобы отметить праздник.

Каждый раз мы отправляемся туда и оставляем в пиратской шкатулке проекцию для тебя. На ней – место, куда ты мог бы выйти. Мы долго выбирали его, и в итоге остановились на Научной Университетской библиоте-

ке. Не читальный зал, а Фонд, где хранятся бумажные книги. Тебе ведь они всегда нравились.

Кроме проекции, мы кладём в сундучок письма. Такие же, как то, которое ты держишь в руках. Одни написаны мной, другие писала Елена Николаевна. Как видишь, я пишу от руки – это мой способ говорить с тобой. Пусть это всего лишь монолог.

Я потеряла счёт тому, сколько раз мы с твоей матерью заказывали проекции. Десятки таких комнат – хоть на одну ты всё же должен натолкнуться в своих блужданиях. Хоть когда-нибудь.

Да, это утопия. Думаешь, мы не понимали? Понимали. Даже не так. Это не утопия, а нечто вроде религиозного обряда. Ритуал, в действительность которого давно не веришь, но который совершаешь, потому что не можешь перестать.

Увы, дорогой мой! Наша с Еленой Николаевной идея была призвана, скорее, не вернуть тебя, а не дать твоей матери сойти с ума от тоски и одиночества. Облегчить её горе. Она (и я вслед за ней) должна была делать хотя бы что-то, направленное на твоё возвращение, и от сознания того, что мы не сидим сложа руки, что пытаемся, нам было легче. Это позволило Елене Николаевне выжить, понимаешь?

Если чудо свершилось, и ты читаешь это письмо или одно из десятков писем, что разбросаны по Пространственной Зоне в похожих друг на друга комнатах-клонах, то, наверное, думаешь, что в конце я скажу тебе, где взять проектор, чтобы вставить в него проекцию, которая лежит в конверте.

Но я не могу сказать тебе этого, Алекс, прости! Купить проектор – хотя бы один-единственный, и оставить в одной из проекций, надеясь на

невероятное везение, было не по карману ни твоей маме, ни мне.

Знаю, я убила твою надежду.

Сейчас, когда я пишу тебе очередное письмо, за окном октябрь. Завтра у меня день рождения. Мне исполнится сорок восемь лет. В двадцать семь я вышла замуж и вскоре развелась. Знала, что ничего из этого брака не выйдет, так и случилось. У меня есть сын, его зовут Александр, ему девятнадцать. Видишь, как вышло.

Я смотрю на сына, и мне кажется, что он чем-то напоминает тебя. Это, конечно, только иллюзия; никто, кроме меня, не разглядел бы сходства, но, быть может, моя любовь к тебе попала законы генетики?

В последние три года я одна делаю то, что мы когда-то начали с Еленой Николаевной. Одна, Алекс. Твоей мамы уже нет, она умерла и похоронена рядом с твоим отцом. Думаю, они обрели покой.

Я первой обнаружила утром Елену Николаевну. Никогда не забуду её лица: никаких следов мучений, горести, печали. Глаза были закрыты, она улыбалась. Наверное, ей снился ты.

Не знаю, какими словами закончить письмо. Не знаю, тот ли ты человек, которому я его адресую, или давно уже стал другим. А ещё не знаю, что было бы со мной, если бы мы встретились, наконец, после стольких лет.

Наверное, я спросила бы тебя:

– Правда ли, что в тот единственный раз, когда мы танцевали с тобой на острове Бару, ты на короткое время, пока длился танец, заинтересовался мною? Правильно ли я прочла по твоим глазам, что нравлюсь тебе? Правда ли, что ты собирался пригласить меня на свидание – или я всё это просто выдумала?

Мне не узнать ответа. Прощай, мальчик мой. До встречи в следующем письме».

